

судами (их усмотрения в этой связи), особенно в свете дискуссии о повышении субсидиарного значения судебного механизма Конвенции (требующего усиления эффективности защиты прав при участии национальных судов), только обостряются.

И наконец, больше внимания стало придаваться вопросам разрешения коллизий конвенционных стандартов (прецедентов ЕСПЧ) и национальных правовых актов в судебном правоприменении. Очевидно, что проблема их соотношения и согласования в судебной деятельности по-прежнему будет держать в фокусе своего внимания более общие вопросы — о роли судебной власти (судов), ее влиянии в связи с действием Конвенции на развитие отечественного права и правообразование.

Глава V. Влияние решений ЕСПЧ на развитие стандартов отраслевых правоотношений

§ 1. Европейские стандарты отправления правосудия в гражданском и арбитражном процессе

Под термином «стандарт» обычно понимается образец явления или объекта, принимаемый в качестве исходного для сравнения с ним других подобных явлений или объектов. Для обозначения такого образца в сфере обеспечения прав человека используются разнообразные термины: «международные стандарты прав человека», «общеизвестные демократические стандарты в области прав человека» и др.¹ В их числе можно выделить так называемые европейские стандарты прав человека — сформулированные в региональных (принятых странами Европы) международных актах требования к минимальному составу и уровню обеспечения неотъемлемых прав и свобод человека в деятельности внутригосударственных структур, которые гарантированы транснациональным контрольным механизмом². Содержание указанных стандартов принято выводить из положений Конвенции, а также актов ее толкования ЕСПЧ, имеющих прецедентный характер³. В России понятие «европейские стандарты прав человека» в указанном контексте нашло отражение в юридической литературе⁴, под-

¹ См.: *Оганесян С. М.* Понятие международных стандартов прав человека // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 2. С. 18.

² Подробнее см.: *Глазкова М. Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012.

³ См.: *Берестнев Ю. Ю.* Российская правовая система и европейские стандарты // *Российская юстиция.* 2001. № 1. С. 14; *Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина // Российский судья.* 2009. № 1. С. 21; *Марченко М. Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // *Государство и право.* 2006. № 2. С. 17; *Эбзеев Б. С.* Глобализация, европейский консенсус и рецепция Россией европейских гуманитарных стандартов: механизм и пределы (конституционные ориентиры) // *Теоретические и практические проблемы правоприменения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: пособие для судей.* М., 2006. С. 29.

⁴ См., например: *Жилин Г. А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 5; *Алексеевская Е. И.* Оценка законности судебных решений: Научно-практическое пособие. М., 2010. С. 13—18; *Султанов А. Р.* Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // *Журнал российского права.* 2009. № 9. С. 76; *Юсуфов Т. Б.* Некоторые аспекты реализации принципа правовой определенности в свете европейских

законных нормативных правовых актах¹, а также правоприменительной практике Конституционного Суда РФ².

Среди устоявшихся на данный момент европейских стандартов одно из центральных мест занимает группа базовых принципов и требований, применяемых в условиях допустимых ограничений, касающаяся процесса отправления правосудия³. Назначение этих процессуальных стандартов видится в оценке качества предоставляемых государствами — участниками Конвенции условий для практической реализации на их территории права на справедливое судебное разбирательство в сравнении с гарантиями, установленными нормами международного и национального права.

Стандарты отправления правосудия, отчасти прямо закрепленные нормами Конвенции, применяются в контексте правовых позиций ЕСПЧ, формируемых им в ходе правоприменительного процесса и толкования смысла конвенционных положений. При этом, как справедливо замечает А. Я. Капустин, международные суды (в том числе ЕСПЧ), применяя в процессе разбирательства нормы международного права, давая им оценку и толкование в каждом конкретном случае, не просто механически используют соответствующие правила поведения, а стремятся добиться систематического применения норм международного права, определенным образом влияют на само качество этих норм, усиливая нормативность международного права и обеспечивая в будущем неукоснительное соблюдение его норм субъектами международного права⁴.

Толкуя конвенционные положения (в том числе в части права на справедливое судебное разбирательство), ЕСПЧ уточняет порядок применения данных международных норм государствами, а также оп-

стандартов защиты прав человека // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 81; *Дороница О. Н., Калинин В. А.* Влияние европейских стандартов в области прав человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 22; Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / под общ. ред. А. В. Демневой. Екатеринбург, 2004. С. 67, 75.

¹ См., например: Распоряжение Президента РФ от 26 июня 1992 г. № 328-рп «О мерах по подготовке к вступлению Российской Федерации в Совет Европы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 28. Ст. 1643; Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 июня 1994 г. № 149-1 ГД «О заявлении Государственной Думы о соблюдении Российской Федерацией стандартов в области прав человека» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1460.

² См., например: Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда РФ: сборник документов / отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. М., 2003. С. 12, 18—134.

³ Европейский Суд отмечал особое место права на суд в демократическом обществе. См., например: *Perez v. France* 2004-I, 40 EHRR 909, § 64; *Airey v. Ireland*, 9 October 1979, Series A no. 32, § 24; *Stanev v. Bulgaria* [G. C.], no. 36760/06, ECtHR 2012 § 231.

⁴ См.: Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. С. 67.

ределяет круг исключений — допустимых ограничений, не влекущих нарушения самой сути права, гарантированного Конвенцией. Таким образом ЕСПЧ конкретизирует содержание и условия реализации соответствующего права.

Кроме того, стандарты прав человека, действующие в рамках европейского региона, отличаются наличием механизма контроля за их реализацией, признанного всеми странами — участниками Конвенции. В числе конвенционных гарантий следует особо отметить право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13), которое применительно к сфере отправления правосудия означает обязанность государства обеспечить такое функционирование судебной системы, которое отвечало бы критериям справедливости судебного разбирательства (ст. 6), т. е. позволяло бы на практике реализовать предоставленные гарантии судебной защиты.

Учитывая сказанное, под европейскими стандартами отправления правосудия предлагается понимать вытекающие из положений Конвенции в свете их толкования и применения ЕСПЧ принципы отправления правосудия, требования к процедуре судопроизводства и деятельности по исполнению судебных актов, условия действия этих принципов и требований (включая допустимые ограничения и запреты), а также обязательства государств-участников по обеспечению их реализации на своей территории.

Российская Федерация, являясь частью европейского правового пространства, безусловно, не может находиться вне процесса сближения национальных и международных (в том числе региональных) стандартов защиты субъективных прав, в частности в сфере отправления правосудия.

Ответ на вопрос о наличии признаков отражения европейских стандартов в российском цивилистическом процессе требует установить, повлекло ли внедрение данных стандартов изменение системы права или правовой системы, обеспечено ли их действие на практике.

Как отмечают правоведы, Конвенция имеет для России особое значение¹. Имплементация норм данного международного договора в национальную правовую систему повлекла внесение значительных изменений в российское законодательство, обусловила влияние международных норм на национальную судебную практику и доктрину. Одним из способов внедрения европейских стандартов отправления правосудия в деятельность судов Российской Федерации является закрепление конвенционных принципов и требований в нормах рос-

¹ См., например: Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина. С. 21; *Жуйков В. М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 3.

сийского законодательства, регулирующего судоустройство и судопроизводство. Ряд стандартов получил прямое выражение в законе, другие вытекают из содержания национальных процессуальных норм. Наиболее яркие изменения коснулись юридических гарантий обеспечения доступности правосудия, равенства процессуальных возможностей, правовой определенности и системы пересмотра судебных актов, а также ряда других вопросов.

Обратимся к п. 1 ст. 6 Конвенции, определяющей основные стандарты отправления правосудия: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...»

Сама норма не конкретизирует такие характеристики, как «справедливое», «разумный», «независимый» и т. д. Данные категории носят оценочный характер, в связи с чем порядок их применения к конкретным правовым отношениям довольно сложен. Как показывает практика ЕСПЧ, вызывают сложности и вопросы применения таких элементов ст. 6 Конвенции, которые с первого взгляда нельзя отнести к категории оценочных: «гражданский», «спор», «суд» и т. д. Толкование, конкретизацию и наполнение обозначенные в ст. 6 Конвенции процессуальные стандарты получили именно через практику ЕСПЧ¹, что делает возможным их единообразное применение к конкретным правоотношениям на национальном уровне.

Необходимо отметить, что стандарты, установленные ст. 6 Конвенции, применяются ко всем стадиям судебного разбирательства по «спорам о гражданских правах и обязанностях», включая стадии после вынесения решения по существу. Например, обсуждаемые стандарты применяются к стадии исполнения окончательного решения суда² или в случае оспаривания окончательного судебного акта не привлеченным к делу лицом, чьи права касается судебный акт³.

Проанализировав практику толкования и применения норм ст. 6 Конвенции, можно выделить три группы стандартов отправления правосудия, которые должны быть обеспечены в ходе судебного разбирательства.

1. Стандарт доступности правосудия: лицу, полагающему, что его право нарушено, должен быть обеспечен «доступ к суду».

2. Институциональные стандарты: спор должен быть рассмотрен 1) независимым и беспристрастным судом, 2) созданным на основа-

¹ Подробнее см.: Рожкова М. А., Глазкова М. Е. Указ. соч. С. 444.

² См.: ECtHR, *Hornsby v. Greece*, 19 March 1997, Reports of Judgments and Decisions 1997-II, § 40; *Romańczyk v. France*, 18 November 2010, no. 7618/05, § 53.

³ См.: ECtHR, *Kakamoukas and Others v. Greece* [G. C.], 15 February 2008, no. 38311/02, § 32.

нии закона, 3) решение которого должно быть исполнено или пересмотрено в исключительных случаях.

3. Процедурные стандарты: разбирательство по разрешению спора должно быть 1) публичным и проходить в 2) разумные сроки 3) справедливым.

Доступ к суду (правосудию)

В случае, если имеется спор о наличии, нарушении или порядке осуществления гражданского права, ст. 6 Конвенции предоставляет лицу право просить национальный суд разрешить такой спор¹. Право на доступ к суду должно быть «реальным и эффективным»², лицо должно «иметь реальную и действительную возможность» обратиться в суд³.

Данный стандарт прямо не назван в п. 1 ст. 6 Конвенции. Однако содержание последнего в совокупности с фундаментальными постулатами, устанавливающими право каждого требовать судебной защиты⁴ и общий запрет на отказ в судебной защите, позволили ЕСПЧ изначально рассматривать стандарт доступности правосудия как одну из обязательных составляющих права на суд. Впервые он был четко сформулирован в деле «Голдер против Соединенного Королевства»⁵: право возбудить разбирательство перед судом представляет собой неотъемлемый элемент права на суд, закрепленного в п. 1 ст. 6 Конвенции. Право возбудить разбирательство перед судом (право доступа к суду) с очевидностью подразумевается ст. 6 Конвенции, ведь без него было бы бессмысленным устанавливать иные принципы справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, «доступность суда» рассматривается как совокупность условий, создающих возможность для реального и действительного обращения всякого заинтересованного лица в национальный суд за защитой своих нарушенных или оспоренных прав. Причем обеспечение реализации права на суд в аспекте доступности может быть достигнуто двумя взаимообусловленными способами:

1) недопущение создания препятствий (юридического, политического или технического характера), которые затрудняют или вовсе исключают возможность для граждан и юридических лиц реализовать

¹ См.: *Z and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 29392/95, ECtHR 2001-V, § 92; *Markovic and Others v. Italy* [GC], no. 1398/03, ECHR 2006-XIV, § 98.

² См.: *Bellet v. France*, 4 December 1995, Series A no. 333-B, § 38.

³ См.: *Bellet v. France*, 4 December 1995, Series A no. 333-B, § 36; *Nunes Dias v. Portugal* (Dec.), nos. 2672/03 and 69829/01, ECtHR 2003-IV.

⁴ См.: *Bèles and Others v. the Czech Republic*, no. 47273/99, ECHR 2002-IX, § 49.

⁵ ECtHR, *Golder v. the United Kingdom*, 21 February 1975, Series A no. 18.

свое право на суд (усложненные или формализованные процедуры принятия и рассмотрения заявлений¹; чрезмерно короткие сроки обращения с требованием в суд²; ограничение или лишение лиц права самостоятельно инициировать возбуждение дела³; установление высокого размера пошлин⁴ и т. д.);

2) совершение государством необходимых позитивных действий для создания условий для беспрепятственного обращения всякого заинтересованного лица в суд за защитой своих нарушенных или оспоренных прав, т. е. облегчение доступности суда (например, обеспечение получения квалифицированной (бесплатной) юридической помощи⁵ и т. д.).

Важно заметить, что запрет на создание препятствий в обращении к суду распространяется как на первую, так и на последующие судебные инстанции. По этому поводу ЕСПЧ указывал, что ст. 6 Конвенции не обязывает устанавливать на национальном уровне систему апелляционных или кассационных судов. Однако если такие суды существуют, то должны соблюдаться гарантии, закрепленные в ст. 6 Конвенции, например, сторонам процесса должно быть обеспечено право на доступ к суду⁶.

Говоря о доступе к суду, необходимо отметить, что это требование не является абсолютным и может подвергаться необходимым соразмерным ограничениям, преследующим законную цель, но только в той степени, в которой они не ущемляют право лица на суд до такой степени, чтобы обесценивалась сама сущность этого права⁷. В данном случае имеются в виду такие законные ограничения, как установленный законом срок исковой давности⁸, обеспечение судебных расхо-

¹ См.: *Pérez de Rada Cavanilles v. Spain*, 28 October 1998, Reports of Judgments and Decisions 1998-VIII, § 49; *Miragall Escolano v. Spain*, nos. 38366/97 and 9 others, ECtHR 2000-I, § 38; *Sotiris and Nikos Koutras ATTEE v. Greece*, no. 39442/98, ECtHR 2000-XII, § 20; *Béles and Others v. the Czech Republic*, no. 47273/99, ECtHR 2002-IX, § 50; *RTBF v. Belgium*, no. 50084/06, ECtHR 2011, § 71-72 и 74. *Miessen v. Belgium*, § 72-74).

² См.: *Howald Moor and Others v. Switzerland*, nos. 52067/10 and 41072/11, 11 March 2014, §§ 79-80; *Yagtzilar and Others v. Greece*, no. 41727/98, ECtHR 2001-XII, § 27.

³ См.: *The Holy Monasteries v. Greece*, 9 December 1994, Series A no. 301-A, § 83; *Philis v. Greece* (no. 1), 27 August 1991, Series A no. 209.

⁴ См.: *Kreuz v. Poland*, no. 28249/95, ECtHR 2001-VI, § 60-67; *Podbielski and PPU Polpure v. Poland*, no. 39199/98, 26 July 2005, § 65-66; *Weissman and Others v. Romania*, no. 63945/00, ECtHR 2006-VII, § 42.

⁵ См.: ECtHR, *Airey v. Ireland*, 9 October 1979, Series A no. 32, § 26.

⁶ См.: ECtHR, *Dunayev v. Russia*, no. 70142/01, 24 May 2007.

⁷ См.: ECtHR, *Philis v. Greece* (no. 1), 27 August 1991, §59, Series A no. 209; *De Geouffre de la Pradelle v. France*, 16 December 1992, §28, Series A no. 253-B; *Stanev v. Bulgaria* [G. C.], no. 36760/06, ECtHR 2012, § 229; *Baka v. Hungary* [G. C.], no. 20261/12, ECtHR 2016 § 120).

⁸ См.: ECtHR, *Stubbings and Others v. the United Kingdom*, 22 October 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV, § 51-52.

дов¹, требования к судебному представительству², претензионный порядок или обязательная попытка мирного урегулирования спора перед обращением в суд с соответствующим требованием³.

Стоит также отметить, что, исходя из позиции ЕСПЧ, под категорию «суд» подпадает не только «суд, входящий в государственную судебную систему». Под данную категорию также может подпадать и орган с судебными функциями, хотя и не входящий в государственную судебную систему, но независимый от спорящих сторон и органов (должностных лиц) исполнительной власти, созданный на основании закона для разрешения определенных вопросов и осуществляющий свои полномочия в соответствии с процедурой, предоставляющей гарантии законности, и отвечающий другим стандартам правосудия⁴.

Кроме того, Конвенция в истолковании ЕСПЧ не препятствует сторонам добровольно отказаться от прав, предоставляемых ею. В частности, отдавая предпочтение третейскому суду, заявитель тем самым отказывается от права на судебное разбирательство в государственном суде, что признается не противоречащим ст. 6 Конвенции⁵.

Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 1 и 2 ст. 46). По смыслу ст. 1 (ч. 1), 2, 4 (ч. 2), 15, 17—19 и 118 (ч. 1) Основного закона в Российской Федерации, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту, относящееся к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека, одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод и предполагает эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и обеспечивающего охрану прав и свобод человека и гражданина от произвола властей. Приведенным положениям Конституции РФ корреспондируют яв-

¹ См.: ECtHR, *Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom*, 13 July 1995, Series A no. 316-B, § 62-67.

² См.: ECtHR, *R. P. and Others v. the United Kingdom*, no. 38245/08, 9 October 2012, § 63-67.

³ См.: ECtHR, *Momčilović v. Croatia*, no. 11239/11, 26 March 2015, § 55-57.

⁴ См.: ECtHR, *Sramek v. Austria*, 22 October 1984, Series A no. 84, § 36; *Cyprus v. Turkey* [G. C.], no. 25781/94, ECtHR 2001-IV, § 233.

⁵ См.: ECtHR, *Suda v. the Czech Republic*, no. 1643/06, 28 October 2010, § 48-49; *Tabbane v. Switzerland* (Dec.), § 26-27 и 30.

ляющиеся составной частью российской правовой системы положения Всеобщей декларации прав человека (ст. 7, 8 и 10), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6), согласно которым каждый имеет право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства¹. Доступность правосудия в российской правовой системе рассматривается в качестве самостоятельного (хотя и не поименованного законом) принципа права и выражается в ряде норм и институтов действующего процессуального законодательства.

В процессуальной науке, как и в практике ЕСПЧ, доступность правосудия раскрывают через право любого заинтересованного лица (гражданина или организации), полагающего, что его права или интересы нарушены либо оспорены, обратиться за судебной защитой и, используя предоставленные законом процессуальные средства, добиваться ее осуществления в судебном порядке². В юридической литературе проблема доступности правосудия получила детальное изучение в различных аспектах: судостроительном, судопроизводственном, организационном и др.³

Конституционный Суд РФ не раз высказывался о том, что право на судебную защиту, как относящееся к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, что предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Государство при этом обязано обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной⁴. В то же время конституционное право на судебную защиту не предполагает возможность для

¹ См. постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положения п. 5 ч. 1 ст. 244⁶ Гражданского процессуального кодекса РФ.

² См.: *Ефремова Н. Н.* Процессуальные средства обеспечения доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (в контексте международно-правовых стандартов): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

³ См., например: *Приходько И. А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005.

⁴ См. определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 418-О; от 22 апреля 2004 г. № 213-О.

гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания — они определяются, исходя из Конституции РФ, федеральными законами (процессуальными кодексами)¹.

Содержание права на судебную защиту включает не только правомочие лица на обращение в суд, но и возможность получения им реальной судебной защиты в форме восстановления его нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе.

С приведенными правовыми позициями Конституционного Суда РФ, сформулированными в ряде его решений², согласуется подход ЕСПЧ, рассматривающий ст. 6 во взаимосвязи со ст. 13 Конвенции, гарантирующей каждому эффективное средство правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением данного права. Это подразумевает, что государство должно обеспечить внутреннее средство правовой защиты, позволяющее рассмотреть по существу обоснованную жалобу на это предполагаемое нарушение³. Верховный Суд РФ также признал обеспечение доступа к правосудию, как и правовой определенности при выборе компетентного суда, необходимым условием справедливого правосудия⁴.

Использование возможности обратиться в суд на практике связано с объективными и субъективными предпосылками (внутренняя согласованность процессуального и связанного с ним материального законодательства, наличие квалифицированных кадров судебных органов и службы исполнителей)⁵. Среди условий доступности правосудия можно выделить территориальные (близость суда), экономические (размер судебных расходов, возможность освобождения от них), про-

¹ См. определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 409-О.

² В том числе в постановлениях Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П, от 17 ноября 2005 г. № 11-П, от 20 февраля 2006 г. № 1-П, от 19 июля 2011 г. № 17-П, от 1 марта 2012 г. № 5-П и от 25 июня 2013 г. № 14-П.

³ См.: ECtHR, «Казюлин (Kazyulin) против России», постановление от 25 февраля 2010 г.

⁴ См., например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

⁵ См.: *Шакарян М. С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 61—62.

цедурные (разграничение подведомственности, степень сложности и формализованности процедуры обращения в суд, гарантии юридической помощи), кадровые (нагрузка судей) и иные.

В этом смысле можно констатировать, что в российском законодательстве о судоустройстве и судопроизводстве предприняты определенные меры для реализации конвенционного стандарта:

1) доступ к суду закреплен в качестве основных принципов (задач) судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции (п. 2 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 4 Кодекса Административного производства РФ). Право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов получило новое развитие в результате установления правила о недействительности отказа от данного права;

2) правила судоустройства предоставляют государству возможность обеспечить территориальную доступность правосудия, определяя количество судов в зависимости от потребностей и условий развития регионов страны. Законодательство о судопроизводстве также закрепляет определенные гарантии доступности правосудия в территориальном аспекте, предусматривая правила альтернативной подсудности дел;

3) на реализацию рассматриваемого стандарта направлены нормы, предусматривающие право суда уменьшить размер или отсрочить (рассрочить) уплату государственной пошлины за обращение в суд, исходя из имущественного положения плательщика (п. 2 ст. 333²², ст. 333⁴¹ НК РФ), а также освобождающие от ее уплаты отдельные категории истцов (подп. 2 п. 1, п. 2 ст. 333³⁷ НК РФ),

4) на облегчение доступа к правосудию направлены меры, связанные с использованием современных технологий. Речь идет о возможностях систем электронного правосудия и систем видеоконференц-связи.

Одним из серьезных ограничений доступа к правосудию, несообразных законным целям их введения, ЕСПЧ считает ограничение или лишение лица (категории лиц) права самостоятельно инициировать возбуждение дела в суде. Данное ограничение может выражаться в формах установления дискреционных полномочий должностных лиц инициировать процедуру пересмотра окончательного судебного акта, отсутствия возможности участвовать в судебном процессе или обжаловать принятые судебные акты лицом, не участвующим в споре, но чьи права и (или) законные интересы могут быть затронуты данным разбирательством. Российское процессуальное законодательство претерпе-

ло важные изменения в части инициирования процедуры пересмотра судебных актов именно с учетом указанного европейского стандарта. Право на обращение с соответствующим заявлением предоставлено лицам, участвовавшим в деле и не участвовавшим в нем, но права и интересы которых затронуты принятым судебным актом, а также прокурору, участвующему в процессе в пределах предоставленных ему полномочий. Кроме того, закреплено право не участвовавших в деле лиц, о правах и обязанностях которых суд принял судебный акт, обжаловать его в апелляционном и кассационном порядке.

К условиям, препятствующим реализации права на доступ в судебные инстанции, практика ЕСПЧ относит и отсутствие упрощенных процедур рассмотрения несложных дел. Процессуальные кодексы РФ содержат нормы, закрепляющие в одних случаях обязанность (приказное производство), в других — возможность воспользоваться упрощенными процедурами в отношении определенных категорий дел и при соблюдении установленных законом условий.

Независимый и беспристрастный суд

Независимость и беспристрастность являются взаимосвязанными, но при этом самостоятельными понятиями¹.

Под независимостью суда понимается его автономность от иных представителей государственной власти (в первую очередь исполнительной)², от участвующих в деле лиц³, от администрации судебной системы (председателей судов, лиц, имеющих организационно-управленческие полномочия). Критериями определения независимости выступают: порядок назначения и продолжительность срока полномочий суда; существование гарантий от внешнего давления; внешние признаки независимости⁴ и т. д.

В своих постановлениях ЕСПЧ неоднократно подчеркивал, что независимость суда требует, чтобы отдельные судьи были свободны от ненадлежащего влияния не только со стороны несудебных органов, но и в рамках самой судебной системы: «Эта внутренняя независимость судей требует, чтобы они были свободны от указаний и давления со стороны других судей и вышестоящих судебных органов»⁵.

¹ См.: ECtHR, *Moskovets v. Russia*, 23 April 2009, no. 14370/03; *Sevastyanov v. Russia*, 22 April 2010, no. 37024/02.

² См.: ECtHR, *Beaumont v. France*, 24 November 1994, § 38, Series A no. 296-B.

³ См.: ECtHR, *Sramek v. Austria*, 22 October 1984, § 42, Series A no. 84.

⁴ См.: ECtHR, *Langborger v. Sweden*, 22 June 1989, § 32, Series A no. 155; *Kleyn and Others v. the Netherlands* [G. C.], nos. 39343/98 and 3 others, § 190, ECtHR, 2003-VI.

⁵ См., например: ECtHR, *Parlov-Tkalčić v. Croatia*, 22 December 2009, no. 24810/06; *Baturlova v. Russia*, 19 April 2011, no. 33188/08.

С учетом сказанного можно заключить, что ЕСПЧ следует получившей распространение градации независимости суда от государственной власти на: внешнюю (независимость от давления извне — со стороны других ветвей государственной власти, прежде всего исполнительной) и внутреннюю (независимость от давления изнутри — со стороны судебной системы, прежде всего руководителей судов, а также иных органов, способных использовать меры организационно-управленческого характера).

В случае ненадлежащего влияния на суд со стороны государственных или иных органов, осуществляющих публичные функции, есть все основания для вывода о нарушении права на суд, гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции.

Беспристрастность же суда предполагает выполнение судьями своих обязанностей без какого-либо предпочтения, предубеждения или пристрастия. Для оценки беспристрастности применяются субъективный критерий (имел ли судья какие-либо личные предубеждения или предвзятость в данном деле?), а также объективный критерий (предоставил ли суд достаточные гарантии для исключения любых разумных сомнений в беспристрастности?)¹.

В целях обеспечения беспристрастности при рассмотрении дела и вынесении решения судьи²:

— не должны принимать во внимание какие-либо факторы, выходящие за рамки непосредственно применения норм права;

— не должны позволять себе делать какие-либо комментарии, которые позволили бы предположить хоть какую-нибудь предубежденность или которые могли бы повлиять на справедливое рассмотрение дела;

— должны проявлять уважение ко всем участвующим в деле лицам (к сторонам в деле, свидетелям, адвокату) без каких-либо не основанных на законе различий;

— должны действовать таким образом, чтобы была очевидна их профессиональная компетентность;

— должны выполнять свои обязанности надлежащим образом, соблюдая принцип равноправия сторон, избегая какой-либо пристрастности и дискриминации, поддерживая состязательность сторон и обеспечивая каждому справедливое разбирательство дела.

¹ См.: *Micallef v. Malta* [G. C.], no. 17056/06, § 93, ECtHR 2009.

² См. п. 23 Заключения Консультативного совета европейских судей от 19 ноября 2002 г.; п. 7 Основных принципов независимости судебных органов (приняты 7-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 26 августа — 6 сентября 1985 г. (Милан) и одобрены Резолюцией 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.).

Важно отметить, что ЕСПЧ при оценке соблюдения стандарта беспристрастности судей в рамках национального судебного разбирательства обращает внимание не на то, действительно ли кто-то из судей предвзято и необъективно относился к одной из сторон, а то, были ли у этой стороны достаточные основания подозревать у суда отсутствие беспристрастности.

В своих постановлениях ЕСПЧ неоднократно отмечал, что “любое обоснованное сомнение в беспристрастности суда само по себе является достаточным для того, чтобы сделать вывод о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод”¹, и даже внешние проявления могут иметь определенную важность, или, иными словами, “правосудие не только должно быть отправлено, должно быть видно, что оно отправлено”².

Стандарт (принцип) независимости судей при отправлении правосудия как одно из основополагающих начал деятельности органов судебной власти закреплен Конституцией РФ (ст. 10, 120—122, 124) и получил развитие в нормах национального законодательства о судоустройстве и судопроизводстве. Запрет на оказание постороннего воздействия или вмешательство в деятельность судей распространяется как на органы иных ветвей государственной власти, так и на участников судопроизводства.

Сравнительный анализ нормативно закрепленных гарантий независимости судей в Российской Федерации и правовых позиций ЕСПЧ позволяет прийти к следующим выводам:

— процедура назначения судей Президентом РФ по результатам конкурсного отбора и проверки соответствия квалификационным требованиям в целом соответствует европейскому стандарту;

— нормативно установлены экономические гарантии независимого осуществления правосудия³;

— принцип неприкосновенности судей закреплен на конституционном уровне (ст. 122 Конституции РФ), а его гарантии получили развитие в федеральном законодательстве (ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»);

— сроки пребывания в должности судьи законом не ограничены, тем не менее установлено ограничение по возрасту, не влияющее на действие принципа независимости при отправлении правосудия;

¹ ECtHR, *Sramek v. Austria*, 22 October 1984, Series A no. 84.

² ECtHR, *De Cubber v. Belgium*, 26 October 1984, Series A no. 86.

³ См. ст. 42 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

— судебные акты, вступившие в законную силу, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения судей, связанные с рассмотрением дела, обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, юридических и физических лиц. Кроме того, исключается возможность изменения или отмены принятого судебного акта органом иной ветви государственной власти или должностным лицом с использованием дискреционных полномочий;

— в отношении порядка формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела установлены основания для отвода.

Суд, созданный на основании закона

В свете принципа верховенства закона, базового положения Конвенции, суд должен быть созданным на основании закона, так как в ином случае он не обладал бы необходимой для демократического общества легитимностью для разрешения дел¹. Выражение “созданный на основании закона” охватывает не только правовую основу самого создания и существования суда, но и выполнение судом конкретных правил, которые регулируют его деятельность².

Суть данного принципа состоит в том, что судебный орган, на рассмотрение которого передано дело заявителя, должен быть учрежден в соответствии с законом, действовать на основании закона и в силу закона обладать компетенцией на рассмотрение переданного ему дела.

Интересно отметить в связи с этим, что при исследовании вопроса, является ли суд государства-ответчика судом, созданным на основании закона, ЕСПЧ исходит из позиции, что нарушения правил подсудности являются существенными (фундаментальными) нарушениями права на суд³. Кроме того, при решении вопроса о том, является ли суд, рассмотревший конкретное дело, созданным на основании закона, ЕСПЧ учитывается и наличие нарушений при назначении судьи-докладчика (в производстве которого находится дело); формировании состава суда по делу; рассмотрении ходатайств об отводе судьи (судей); рассмотрении ходатайств о самоотводе судьи.

¹ См.: ECtHR, *Lavents v. Latvia*, no. 58442/00, § 81, 28 November 2002.

² См.: ECtHR, *Sokurenko and Strygun v. Ukraine*, § 24, 20 July 2006, nos. 29458/04 and 29465/04; *Belilos v. Switzerland*, 29 April 1988, Series A no. 132; *Posokhov v. Russia*, no. 63486/00, ECtHR 2003-IV.

³ См.: ECtHR, *Pshenichnyy v. Russia*, no. 30422/03, 14 February.

Рассматриваемый аспект права на справедливое судебное разбирательство, как это следует из практики ЕСПЧ, распространяется на деятельность как профессиональных, так и непрофессиональных судей, в том числе лиц, привлекаемых в соответствии с национальным законодательством к отправлению правосудия: например, заседатели, третейские суды, корпоративные дисциплинарные органы, квалификационные коллегии судей и адвокатов и т. п. Такой подход обусловлен широким толкованием понятия “суд”, под которым принято понимать юрисдикционный орган, решающий вопросы, отнесенные к его компетенции на основе норм права, в соответствии с установленной процедурой¹ и с полномочиями принимать окончательные решения, являющиеся юридически обязательными².

В российской системе права ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Сформулированное как субъективное право каждого требование Конституции РФ об определении подсудности дел законом означает, что в таком законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее, т. е. до возникновения спора или иного правового конфликта, предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело. Иное не позволяло бы суду, сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, приводило бы к необходимости устранять ее посредством правоприменительного решения, т. е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела уже не на основании закона³.

В силу требований Конституции РФ, в том числе ее ст. 46 и 47 (ч. 1), подсудность дел определяется законом. Положения Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ, обеспечивая, как следует из их содержания, гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту и в согласии с вытекающим из Конституции РФ принципом правосудия (ст. 47, 118, 120 и 128), предусматривающим, что надлежащим судом для рассмотрения дела

¹ См.: ECtHR, *Belilos v. Switzerland*, 29 April 1988, Series A no. 132.

² См.: ECtHR, *Sramek v. Austria*, 22 October 1984, Series A no. 84.

³ См. постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П по делу о проверке конституционности п. 10 ст. 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ч. 1 ст. 259 ГПК РФ.

признается суд, компетенция которого определена законом, устанавливающим как разграничение видов судебной юрисдикции, так и определение предметной, территориальной и инстанционной подсудности, исключают нечеткое или расширительное определение компетенции суда в вопросах оспаривания судебных постановлений, а также их произвольное толкование правоприменителем и, как направленные на обеспечение организации работы соответствующего суда в целях создания условий для надлежащего отправления правосудия, сами по себе не могут рассматриваться как не соответствующие Конституции РФ¹.

Принцип осуществления правосудия только судом нашел выражение в положениях Конституции РФ (ч. 1 ст. 118, ст. 119, 47, ч. 5 ст. 32), федеральных конституционных законов «О судебной системе Российской Федерации», «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», действующих процессуальных кодексов. Он раскрыт в нормах, устанавливающих судебную систему России, определяющих порядок наделения полномочиями судей и требования к кандидатам на эту должность, разграничивающих подсудность дел между судами, предусматривающих право на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено, а также право граждан на участие в отпадении правосудия.

Правовая определенность: решение должно быть исполнено или пересмотрено в исключительных случаях

Это еще один принцип, прямо не поименованный в ст. 6 Конвенции, но сформулированный в практике ЕСПЧ.

Как неоднократно указывал Суд, право на справедливое судебное разбирательство должно быть истолковано в свете принципа верховенства права, а одним из фундаментальных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности², который в контексте права на справедливое судебное разбирательство предусматривает, что окончательный судебный акт может быть пересмотрен, только если это необходимо в обстоятельствах существенного и неопровержимого характера, таких как судебная ошибка³. Таким образом,

¹ См. определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 967-О.

² См.: ECtHR, *Okuy and Others v. Turkey*, no. 36220/97, § 73, ECtHR, 2005-VII.

³ См. п. 115-117 Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights (http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_ENG.pdf); Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) (Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. № 1 (2015): Европейская конвенция: новые «старые» права. М., 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принцип правовой определенности подразумевает исключение возможности пересмотра окончательного судебного решения, если такой пересмотр обусловлен лишь наличием противоположных точек зрения сторон по одному вопросу и нацелен на получение иного решения по спору (т. е. является скрытой формой обжалования)¹.

Очевидным является то, что для заинтересованного лица важно не только и даже не столько право инициировать судебное разбирательство, сколько право получить положительное для него судебное решение и реализовать содержащееся в этом решении предписание. С учетом этого ЕСПЧ неоднократно повторял, что закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции право на суд не исчерпывается правом на обращение к судебному разбирательству, но охватывает и право на исполнение окончательного судебного решения.

Правовая определенность подразумевает под собой уважение к окончательному судебному решению, и необоснованная отмена такого решения подрывает само право на суд, делая его эфемерным, иллюзорным. Следовательно, право на суд требует не только соблюдения процессуальных стандартов и доступности судебной защиты как таковой, но и стабильности принимаемого по делу акта.

Применительно к России эта позиция была отражена в постановлении по делу «Бурдов против России»², в котором ЕСПЧ, подчеркнув обязательность исполнения окончательных судебных актов, указал следующее: «Право на суд было бы иллюзорным, если бы правовая система государства — участника Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы недействующим в ущерб одной из сторон. Было бы непостижимым, если бы статья 6 (п. 1) Конвенции, описывающая детально процессуальные гарантии, предоставленные спорящим сторонам... не защищала при этом исполнение судебных решений».

Европейский Суд также указывал, что исполнение должно быть полным и исчерпывающим, а не частичным³ и не может ограничиваться, признаваться недействительным или чрезмерно задерживаться⁴.

Интересной представляется позиция ЕСПЧ в отношении ответственности государства за неисполнение решений, вынесенных в отношении «частных» ответчиков:

¹ См.: ECtHR, *Trapeznikov and Others v. Russia*, nos. 5623/09 and 3 others, 5 April 2016.

² См.: ECtHR, *Burdov v. Russia*, no. 59498/00, ECtHR, 2002-III.

³ См.: ECtHR, *Matheus v. France*, 31 March 2005, no. 62740/00, § 58; *Sabin Popescu v. Romania*, 2 March 2004, no. 48102/99 § 68–76.

⁴ См.: ECtHR, *Immobiliare Saffi v. Italy* [G. C.], no. 22774/93, ECtHR 1999-V, § 74.

— государство имеет позитивное обязательство по установлению системы исполнения решений, которая является эффективной законодательно и на практике и обеспечивает исполнение без ненадлежащей задержки¹. В делах, требующих действий со стороны частного должника, государство как носитель публичной власти обязано принимать разумно доступные меры для содействия во взыскании любой задолженности, основанной на судебном решении, содействовать кредитору в его исполнении;

— если государством предприняты адекватные и достаточные меры, на него не может быть возложена ответственность за уклонение “частного” ответчика от погашения задолженности; в случае же уклонения государства от обеспечения эффективного исполнения решения против частного лица ЕСПЧ налагает на государство обязательство вмешаться и выплатить заявителю присужденную решением сумму вместо частного должника².

Конституционный Суд РФ отметил³, что, устанавливая правила пересмотра судами, в том числе в связи с решением ЕСПЧ, вступивших в законную силу судебных актов, федеральный законодатель должен учитывать, что институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частнопровых интересов⁴.

Содержание принципа правовой определенности в действующем процессуальном законодательстве раскрывается в нормах: ограничивающих сроки рассмотрения дела судами всех инстанций, совершения отдельных процессуальных действий, обжалования и оспаривания заинтересованными лицами принятых судебных актов; закрепляющих исключительный (экстраординарный) характер производств по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу (за исключением кассации в арбитражном процессе), а также не допускающих возможность повторного пересмотра дела по тем же основаниям;

¹ См.: ECtHR, *Valeriy Fuklev v. Ukraine*, 16 January 2014, no. 6318/03.

² См.: ECtHR, *Kunashko v. Russia*, 17 December 2009, no. 36337/03.

³ См. определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 13-О.

⁴ См. постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 3 февраля 1998 г. № 5-П, от 5 февраля 2007 г. № 2-П и др.

предусматривающих возможность инициирования процедуры пересмотра только лицами, чьи права и интересы затронуты оспариваемым судебным актом, а также лицами, уполномоченными законом выступать в защиту публичных интересов.

Как известно, требования европейских стандартов отправления правосудия, касающиеся возможности пересмотра вступивших в силу судебных актов¹, привели к внесению существенных изменений в российское процессуальное законодательство.

В настоящее время вопрос о соблюдении принципа правовой определенности возникает при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. В соответствии с толкованием ЕСПЧ применение данного института должно быть обусловлено искренним стремлением исправить судебную ошибку, а не попыткой вновь рассмотреть дело по основаниям, которые не были использованы заявителем в ходе судебного разбирательства².

Представляется, что в целях недопущения нарушения принципа правовой определенности неукоснительной реализации подлежат правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В частности, обратная сила может быть придана правовым позициям высшего суда лишь при условии наличия прямого указания об их применимости к делам со схожими фактическими обстоятельствами, а также с учетом характера спорных правоотношений и установленных для этих случаев конституционных рамок действия правовых норм с обратной силой.

Публичность

Статья 6 Конвенции прямо называет публичность среди стандартов правосудия и предусматривает, что судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, — при

¹ См.: ECtHR, *Ryabykh v. Russia*, no. 52854/99, § 51, ECtHR 2003-IX; *Roseltrans v. Russia*, 21 July 2005, no. 60974/00.

² См.: ECtHR, *Pravednaya v. Russia*, 18 November 2004, no. 69529/01.

особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

Соответственно, если не установлено исключительных обстоятельств, которые оправдывают отсутствие слушаний¹, право на публичное разбирательство дела в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции предполагает право на устное слушание по крайней мере в одной инстанции².

Принцип публичности судебного разбирательства в толковании ЕСПЧ охватывает следующие требования:

— обеспечение возможности проведения судебного заседания при участии всех лиц, отстаивающих свои права в данном деле, а также лиц, заинтересованных в присутствии на судебном заседании;

— право сторон лично предстать перед судом и участвовать в устном слушании по крайней мере в суде первой инстанции, включая право на эффективное участие в слушаниях, т. е. возможность не только присутствовать в судебном заседании, но и реализовать все доступные средства защиты;

— публично объявление судебного решения и обеспечение возможности ознакомления с ним любых заинтересованных лиц³.

Интересным с этой точки зрения представляется дело «Рякиб Бирюков против России»⁴. При его рассмотрении ЕСПЧ установил, что имело место объявление только резолютивной части судебного решения по гражданскому делу заявителя. При этом общественность не получила доступа к мотивированному (полному) судебному решению и, соответственно, не могла уяснить причины и мотивы отклонения судом исковых требований заявителя. Анализируя возможность доступа общественности к судебным документам, ЕСПЧ изучил приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в п. 181 которого содержался исчерпывающий список лиц, которые могли ознакомиться с материалами дела: к ним были отнесены стороны процесса, их представители, другие лица, участвующие в процессе, судьи и другие ответственные работники вышестоящих судов, прокуроры и работники системы Судебного департамента. Пункт 184 приказа содержал

¹ Например, проведение устного слушания может не потребоваться в делах, где отсутствуют так называемые вопросы факта, когда для разрешения спора суду достаточно представленных сторонами письменных доказательств (*Döry v. Sweden*, no. 28394/95, § 37, 12 November 2002; *Saccoccia v. Austria*, no. 69917/01, § 73, 18 December 2008); по делам, касающимся несложных правовых вопросов (*Allan Jacobsson v. Sweden* (no. 2), 19 February 1998, § 48-49, Reports of Judgments and Decisions 1998-I).

² См.: ECtHR, *Fischer v. Austria*, 26 April 1995, § 44, Series A no. 312.

³ См.: ECtHR, *Zagorodnikov v. Russia*, 7 June 2007, no. 66941/01; *Yakovlev v. Russia*, 15 March 2005, no. 72701/01.

⁴ ECtHR, *Ryakib Biryukov v. Russia*, no. 14810/02, ECtHR 2008.

список лиц, которым могли быть выданы (по усмотрению председателя суда или судьи) копии документов из материалов дела: это стороны гражданского дела, подсудимый, осужденный, оправданный, потерпевший и их представители¹. Изучение этого документа дало ЕСПЧ основания для вывода о том, что содержащиеся в нем предписания ограничили доступ общественности к текстам мотивированных (полных) судебных решений; такой доступ предоставлен лишь ограниченному кругу лиц, что не позволяет рассматривать судебное разбирательство как публичное. Учитывая, что публичность судебного разбирательства защищает участников судебного процесса от «тайного» осуществления правосудия (без контроля общественности), что обеспечивает доверие к судам различных инстанций, и исходя из того, что в демократическом обществе право на суд имеет основополагающее значение, в силу чего его ограничительное толкование не будет соответствовать цели и предназначению нормы п. 1 ст. 6 Конвенции, ЕСПЧ установил нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

По итогам рассмотрения данного дела ЕСПЧ был сделан вывод о том, что такие аспекты публичности судебного разбирательства, как публичность вынесения судебного решения и доступность судебных документов, будут соблюдены при следующих условиях:

— текст полного (мотивированного) решения доступен для каждого, кто хочет с ним ознакомиться;

— полное решение суда первой инстанции оглашено в открытом заседании, суд вышестоящей инстанции провел открытое судебное заседание;

— любое интересующееся лицо может получить текст полного (мотивированного) решения по любому делу, а наиболее важные решения публикуются в официальном издании.

Нарушение публичности судебного разбирательства, как подчеркнул Суд, будет иметь место в тех случаях, когда судебное решение вынесено приватно и недоступно общественности. Открытый характер судебного разбирательства на национальном уровне раскрывается в нормах российских процессуальных кодексов, предоставляющих участвующим в деле лицам возможность присутствовать во всех судебных заседаниях, при совершении отдельных процессуальных действий, при исследовании судом всех видов доказательств, быть ознакомленными с материалами дела и получать копии процессуальных документов, а также предусматривающих обязанность суда направ-

¹ Новый приказ Судебного департамента от 29 апреля 2003 г. № 36 содержит аналогичные положения.

лять участвующим в деле лицам копии всех судебных актов, принимаемых в процессе рассмотрения дела.

Конституционный принцип публичности судебного разбирательства (ст. 123 Конституции РФ) получил развитие в нормах процессуального законодательства, предусматривающих публичное оглашение судебных актов, возможность присутствия в судебном заседании не участвующих в деле лиц, опубликование судебных актов и т. д.

Стандарт публичности обеспечивается также путем установления в законе случаев, когда публичность разбирательства может быть ограничена (по делам, содержащим сведения, составляющие охраняемую законом тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом и лицом, участвующим в деле, заявлено соответствующее ходатайство). Стоит отметить, что Конвенция связывает возможность ограничения допуска в судебное заседание с соображениями морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, интересами несовершеннолетних детей, защитой частной жизни сторон, а также (в особых случаях) интересами правосудия (п. 1 ст. 6), т. е. европейский стандарт оставляет национальным судам более широкое усмотрение для установления справедливого равновесия между значением публичности судопроизводства и интересами участвующих в деле лиц. Однако Верховный Суд РФ отмечает, что рассмотрение дела в закрытом судебном заседании по основаниям, которые не предусмотрены федеральными законами, противоречит конституционному принципу гласности судопроизводства (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ), а также может быть признано нарушением права на справедливое судебное разбирательство (п. 1 ст. 6 Конвенции, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах)¹.

Как указывает Верховный Суд РФ, судам Российской Федерации следует создавать необходимые условия для обеспечения открытости и гласности судопроизводства и реализации права на получение информации о деятельности судов органами и лицами, в том числе лицами с ограниченными возможностями здоровья. Не допускается ограничение открытости и гласности судопроизводства, права на получение информации о деятельности судов по признакам государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности граждан либо в зависимости от их происхожде-

¹ См. п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”».

ния, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно по другим не предусмотренным федеральным законом основаниям¹.

Как справедливо ранее указывал Высший Арбитражный Суд РФ, лицу должна быть обеспечена возможность быть услышанным. Для этого лицо должно фактически подробно уведомляться на понятном ему языке о времени и месте судебного заседания; иметь возможность защищать свои права лично или через своих представителей, адвокатов, получить помощь переводчиков; свободно представлять доказательства, подтверждающие его права; и т. д.² Солидарен с этой позицией и Конституционный Суд РФ, признавший необходимой гарантией получения реальной судебной защиты нарушенного права равно предоставляемую сторонам возможность в устной форме довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, представить доказательства в ее обоснование и принять участие в их исследовании в открытом судебном заседании при разрешении спора по существу для установления действительных обстоятельств дела и правильного применения законодательства на основе состязательности и равноправия сторон³.

Разумные сроки разбирательства дела

По мнению ЕСПЧ, в требовании о рассмотрении дела в “разумный срок” Конвенция подчеркивает важность осуществления правосудия без задержек, которые могут поставить под угрозу его эффективность и авторитет⁴. Отсчет срока в целях оценки разумности длительности судебного разбирательства начинается, как правило, с момента возбуждения производства в компетентном суде⁵, а в случае, если национальным законом предусмотрен обязательный досудебный порядок разрешения спора с компетентным органом, срок исчисляется с учетом периода, потраченного на соблюдение досудеб-

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

² См. п. 7 информационного письма ВАС РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие».

³ См. постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П.

⁴ См.: ECtHR, *H. v. France*, 24 October 1989, § 58, Series A no. 162-A; *Katte Klitsche de la Grange v. Italy*, 27 October 1994, § 61, Series A no. 293-B.

⁵ См.: ECtHR, *Poiss v. Austria*, 23 April 1987, § 50, Series A no. 117; *Bock v. Germany*, 29 March 1989, § 35, Series A no. 150.

ного порядка¹. Окончанием срока рассмотрения дела в контексте оценки разумности длительности судебного разбирательства выступает дата фактического исполнения судебного акта по существу спора с учетом прохождения всех ординарных проверочных инстанций².

Безусловно, конкретных «разумных сроков» в Конвенции или практике ЕСПЧ не предусмотрено. Разумность срока оценивается в каждом случае в зависимости от конкретных обстоятельств³. Критериями оценки будут являться сложность дела, поведение заявителя и компетентных органов и отношение заявителя к предмету спора⁴.

Указанная позиция ЕСПЧ нашла отражение в неоднократно процитированном в отечественных публикациях высказывании по делу «Бурдов против России»⁵ об иллюзорности права на суд в условиях, когда окончательное судебное решение остается неисполненным. Всякая необоснованная задержка как при рассмотрении спора, так и при исполнении вступившего в законную силу судебного акта по делу продлевает «состояние правовой неопределенности» для его сторон, что признается ЕСПЧ нарушением гарантий ст. 6 Конвенции.

По мнению Конституционного Суда РФ, одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав лиц, участвующих в деле, является своевременность их защиты. Это означает, что рассмотрение и разрешение дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок, в силу чего только такое правосудие и можно считать отвечающим требованиям справедливости. Соответственно, федеральный законодатель в целях обеспечения своевременности и справедливости судебного решения обязан устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав участвующих в деле лиц, которые отвечают прежде всего требованиям процессуальной эффективности и экономии в использовании средств судебной защиты⁶. При этом соблюдение процессуальных сроков судом не является самостоятельной целью судопроизводства и направлено на обеспечение стабильности

¹ См.: ECtHR, *König v. Germany*, 28 June 1978, § 98, Series A no. 27; *H. v. France*, 24 October 1989, § 31, Series A no. 162-A; *Kress v. France* [G. C.], no. 39594/98, § 90.

² См.: ECtHR, *Martins Moreira v. Portugal*, 26 October 1988, § 44, Series A no. 143; *Silva Pontes v. Portugal*, 23 March 1994, § 33, Series A no. 286-A; *Di Pede v. Italy*, 26 September 1996, § 24, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV).

³ См.: ECtHR, *Frydlender v. France* [G. C.], no. 30979/96, § 43, ECHR 2000-VII; *Obermeier v. Austria*, 28 June 1990, § 72, Series A no. 179; *Comingersoll S. A. v. Portugal* [G. C.], no. 35382/97, § 23, ECtHR 2000-IV.

⁴ См.: ECtHR, *Frydlender v. France* [G. C.], no. 30979/96, § 128, ECtHR 2000-VII; *Burdov v. Russia* (dec.), no. 59498/00, ECtHR 2001-VI; *Fateyankov and others v. Russia*, 18 February 2016, nos. 44099/04.

⁵ *Burdov v. Russia* (dec.), no. 59498/00, ECtHR 2001-VI;

⁶ См. определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2014 г. № 687-О.

и определенности как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях¹.

Соблюдение стандарта разумности сроков судопроизводства является одной из наиболее актуальных проблем в сфере отправления правосудия в Российской Федерации. Нарушение данного стандарта неоднократно устанавливалось ЕСПЧ и признавалось фактором, снижающим эффективность судебной защиты на национальном уровне. В связи с этим в рамках мер общего характера в процессуальное законодательство был внесен ряд изменений. В частности, предусмотрены требование об осуществлении судопроизводства и исполнении принятых судебных актов в разумный срок (ст. 6¹ АПК РФ, ст. 6¹ ГПК РФ, п. 4 ст. 6 КАС РФ), возможность получения компенсации лицом, чье право на рассмотрение его дела и исполнение судебного акта в разумный срок было нарушено², а также установлен процессуальный порядок разрешения на национальном уровне жалобы на нарушение разумных сроков (гл. 26 КАС РФ, гл. 27¹ АПК РФ) и внепроцессуальная процедура ускорения судопроизводства.

Вместе с тем, несмотря на изменения, по некоторым аспектам данного стандарта правовые позиции ЕСПЧ и российское законодательство не совпадают. В частности, разумный срок судебного разбирательства включает в себя период со дня поступления заявления в суд первой инстанции и до дня принятия последнего судебного акта по делу. Таким образом, национальное законодательство при решении вопроса о содержании принципа разумности срока «судебного разбирательства» ограничило его рамки исключительно судебными стадиями. В свою очередь, ЕСПЧ распространяет действие данного стандарта в совокупности на досудебные процедуры, рассмотрение дела во всех инстанциях и исполнение решения.

В России данный стандарт разделен на два элемента: разумность срока судопроизводства и разумность срока исполнения принятого судебного акта. При этом в соответствии с действующим законодательством принцип разумности срока не применяется в отношении обязательного в силу закона досудебного урегулирования споров. Между тем стоит учитывать, что в соответствии с практикой толкования ЕСПЧ данного принципа государство отвечает за необоснован-

¹ См. постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 (ред. от 27.06.2017) «О процессуальных сроках».

² См. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (ред. от 19 декабря 2016 г.) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

ную (вышедшую за пределы разумности) длительность разбирательства спора о правах, подлежащих судебной защите, если промедление было вызвано действиями государственных органов.

В соответствии с действующим законодательством само по себе превышение установленного срока рассмотрения дела не может автоматически переводить его в разряд «неразумного» (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»). Критерии оценки судом разумности сроков судопроизводства и исполнения судебного акта, получившие закрепление в нормах процессуальных кодексов, во многом основаны на многолетней практике ЕСПЧ. Среди них правовая и фактическая сложность дела, поведение участников процесса, достаточность и эффективность действий суда (судьи), осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, достаточность и эффективность действий органов, организаций (лиц), на которые возложены обязанности по исполнению судебного акта, а также общая продолжительность судопроизводства по делу и исполнения судебного акта.

Стоит также отметить, что под влиянием европейского стандарта разумности срока судебного разбирательства происходит совершенствование процедуры извещения участвующих в деле лиц о времени и месте проведения судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия: уточнен порядок судебного извещения; расширен круг способов извещения; риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по самостоятельному получению информации о движении дела возложен на участвующих в деле лиц, извещенных о начавшемся процессе.

Справедливость

Наименование и норма ст. 6 Конвенции фактически гарантируют каждому «право на суд», составной частью которого является справедливость. Наименование статьи в официальном переводе («Право на справедливое судебное разбирательство») не должно провоцировать узкое толкование провозглашенного права на суд, которое должно отвечать всему спектру установленных стандартов, в том числе стандарту справедливости.

Европейский суд не раз указывал, что справедливость, провозглашаемая в п. 1 ст. 6 Конвенции, является не «материальной», а «процессуальной». Она воплощается в состязательном процессе, в ходе

которого заслушиваются доводы сторон, которые находятся в равных условиях перед судом¹.

Судебное разбирательство может быть признано отвечающим стандарту справедливости, если обеспечены в совокупности:

— *возможность фактического участия заинтересованных лиц*. Стороны должны иметь фактическую возможность участвовать в рассмотрении дела на всех стадиях судебного процесса. Несоблюдению данного условия способствует, в частности, ненадлежащее уведомление участвующих в деле лиц о дате судебного слушания в судебных заседаниях, влекущее для заинтересованных лиц невозможность участия в судебном разбирательстве²;

— *равенство сторон*. Каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить свое дело, в том числе доказательства, в условиях, которые не ставят ее в заведомо невыгодное положение по отношению к другой стороне. ЕСПЧ регулярно указывает на необходимость достижения справедливого баланса между сторонами и признает судебное разбирательство справедливым лишь при условии обеспечения равных процессуальных возможностей обеих сторон, участвующих в деле³;

— *состязательность сторон*. Понятие справедливого судебного разбирательства включает основополагающее право на состязательный процесс, который предполагает право каждой стороны знакомиться со всеми доказательствами и представлять свои возражения по ним, с тем чтобы повлиять на решение суда⁴. Сюда же можно отнести требование соблюдения порядка сбора и оценки доказательств;

— *обоснованность и мотивированность итогового решения*. Гарантии, закрепленные в п. 1 ст. 6 Конвенции, включают обязанность судов предоставлять достаточное обоснование своих решений⁵. Обоснованное и мотивированное решение демонстрирует сторонам, что их дело действительно было рассмотрено. Несмотря на то что национальные суды обладают определенной свободой усмотрения при вы-

¹ См. п. 205 Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights (http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_ENG.pdf); Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) (Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. № 1 (2015): Европейская конвенция: новые «старые» права).

² См.: ECtHR, *Prokopenko v. Russia*, 3 May 2007, no. 8630/03.

³ См.: ECtHR, *Kuznetsov and Others v. Russia*, 11 January 2007, no. 184/02.

⁴ См.: ECtHR, *Ruiz-Mateos v. Spain*, 23 June 1993, Series A no. 262, § 63; *McMichael v. the United Kingdom*, 24 February 1995, Series A no. 307-B § 80; *Vermeulen v. Belgium*, 20 February 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996-I § 33; *Lobo Machado v. Portugal*, 20 February 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996-I, § 31; *Kress v. France* [G. C.], no. 39594/98, ECtHR 2001-VI, § 74.

⁵ См.: ECtHR, *H. v. Belgium*, 30 November 1987, § 53, Series A no. 127-B.

боре аргументов в обоснование решения в конкретном деле, они обязаны обосновывать свои действия, указывая мотивы своих решений¹. Приведенные в решении основания должны быть такими, чтобы позволить сторонам эффективно использовать существующее право на обжалование судебного акта². Однако это не означает, что суд в своем решении обязан дать ответ по каждому доводу сторон³. Степень необходимой мотивированности решения зависит от характера этого решения и может быть определена только в свете обстоятельств конкретного дела⁴.

Конституционный Суд РФ на основе ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и корреспондирующих ей положений международно-правовых актов признал обязанностью государства обеспечивать каждому лицу реализацию права на судебную защиту, которая должна быть *справедливой*, компетентной, полной и эффективной⁵. Сущность правосудия он связывает с соблюдением требования справедливости и обеспечения эффективного восстановления в правах. В свою очередь, «справедливое правосудие» рассматривается в качестве требования, конкретизирующего принцип правовой справедливости, и основополагающего аспекта верховенства права при осуществлении судебной защиты⁶.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания; любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции РФ, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства⁷. Право же на судебную защиту предполагает наличие

¹ См.: ECtHR, *Suominen v. Finland*, 1 July 2003, no. 37801/97, § 36.

² См.: ECtHR, *Hirvisaari v. Finland*, 27 September 2001, no. 49684/99, § 30.

³ См.: ECtHR, *Van de Hurk v. the Netherlands*, Series A no. 288, 19 April 1994, § 61; *García Ruiz v. Spain* [G. C.], no. 30544/96, § 26, ECtHR 1999-I; *Jahnke and Lenoble v. France* (Dec.), no. 40490/98, ECtHR 2000-IX; *Perez v. France* [G. C.], no. 47287/99, § 81.

⁴ См.: ECtHR, *Ruiz Torija v. Spain*, 9 December 1994, § 29, Series A no. 303-A; *Hiro Balani v. Spain*, 9 December 1994, § 27, Series A no. 303-B.

⁵ См. п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 113-О.

⁶ См. п. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2005 г. № 11-П.

⁷ См. постановления Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П, от 3 июня 2004 г. № 11-П, от 15 июня 2006 г. № 6-П, от 16 июня 2006 г. № 7-П, от 5 апреля 2007 г. № 5-П, от 25 марта 2008 г. № 6-П и от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Одной из таких гарантий является закрепленное в ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон¹.

Верховный Суд РФ также указывает на необходимость обеспечения равенства участников судопроизводства².

В числе принципов гражданского и арбитражного процессов прямо поименованы состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 6 КАС РФ, ст. 12 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ). Эти принципы ориентируют суды на соблюдение гарантированного Конвенцией права на справедливое судебное разбирательство и основных европейских стандартов отправления правосудия.

Вместе с тем представляется, что с практической точки зрения справедливость следует рассматривать не в качестве самостоятельного стандарта отправления правосудия, а как совокупный критерий оценки качества работы государственного механизма судебной защиты по результатам судопроизводства и исполнения принятого судебного акта. То есть достижение «справедливости судебного разбирательства» предполагает соблюдение всех процессуальных гарантий в каждом конкретном деле с учетом европейских стандартов отправления правосудия. Такой подход соответствует международной практике, так как при решении вопроса о возможности признания судебного разбирательства справедливым ЕСПЧ оценивает его с точки зрения соблюдения каждого из стандартов, вытекающих из положений ст. 6 Конвенции.

Анализируя стандарты отправления правосудия, необходимо иметь в виду, что только при совокупной (одновременной) реализации всех взаимосвязанных между собой гарантий (принципов), следующих из норм ст. 6 Конвенции, судебное разбирательство может считаться справедливым³, а правосудие — отвечающим европейским стандартам.

¹ См., например, определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2005 г. № 113-О.

² Например, в сфере представления и исследования доказательств и заявления ходатайств см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

³ См.: *Рожкова М., Афанасьев Д.* О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок (на основе анализа судебной практики по гражданским делам) // Приложение № 6 к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». М., 2014.

В связи с этим задачей национальной правовой системы является определение такого сочетания указанных выше стандартов, которое позволило бы в каждом конкретном деле обеспечить судебную защиту в рамках справедливого судебного разбирательства.

Из проведенного анализа усматривается, что в российское законодательство с разной степенью успешности имплементированы европейские стандарты отправления правосудия. Однако внедрение общепризнанных стандартов справедливого судебного разбирательства не ограничивается совершенствованием процессуального закона и судебной системы. Немаловажным условием полноценной имплементации этих стандартов выступает их фактическое восприятие судьями и воплощение в правоприменительной практике.

Деятельность судов Российской Федерации имеет особое значение для имплементации положений Конвенции вместе с позициями ЕСПЧ в национальную правовую систему, поскольку именно суды осуществляют применение норм Конвенции и позиций ЕСПЧ к «живым» правоотношениям и «интегрируют требования Конвенции во внутреннее право, не дожидаясь, когда это сделают другие ветви государственной власти»¹. С учетом того, что международные договоры (в том числе Конвенция) согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют приоритет, а также учитывая, что ратификация Конвенции потребовала одновременного признания юрисдикции ЕСПЧ в части толкования и применения конвенционных норм и Протоколов к ней, на национальном уровне судам разъяснена обязательность учета правовых позиций ЕСПЧ, изложенных в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации². Не вдаваясь в подробности освещения современной дискуссии по вопросу об обязательности исполнения таких постановлений, укажем лишь, что они подлежат учету российскими судами, если не признаны противоречащими Конституции РФ в установленном законом порядке³.

¹ Лобов М. Б. Указ. соч. С. 25.

² См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней».

³ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”». См. также постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ.

Российские суды с разной степенью активности используют нормы Конвенции (в частности, ст. 6), имплементированные в национальную правовую систему, и прецедентную практику ЕСПЧ по процессуальным вопросам в отношении Российской Федерации и других участников Конвенции.

Анализ практики российских судов позволяет заметить, что российские суды при осуществлении выбора подлежащих применению в конкретном деле норм в той или иной степени используют нормы Конвенции с учетом их толкования ЕСПЧ и при необходимости прямо ссылаются на рассматриваемые стандарты в своей практике, например на такие, как доступ к суду¹, справедливость судебного разбирательства², правовая определенность³.

Стоит отметить, что любое толкование норм права, включая судебное, несет в себе субъективный элемент, что подразумевает возможность наличия нескольких вариантов интерпретации одних и тех же норм. Главный вопрос заключается в установлении пределов допустимых противоречий в судебной практике, а также в определении механизмов, позволяющих формировать единообразные подходы. Судебная система должна стремиться обеспечить баланс между, с одной стороны, ценностями прогрессивного развития судебной практики и, с другой стороны, ее единообразием и стабильностью⁴. Данный баланс может обеспечиваться в том числе путем использования правовых позиций ЕСПЧ⁵.

Изучение вопроса о соотношении международного и национального прецедента о правах человека позволило Т. Н. Нешатаевой сделать вывод о том, что естественно-правовое происхождение этих прав «заставило» оба уровня судов действовать в унисон, прислушиваясь

¹ См. постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 сентября 2016 г. № Ф05-13474/2016 по делу № А40-16853/2016.

² См. постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 февраля 2016 г. № Ф06-6134/2016 по делу № А57-16827/2012.

³ См. постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 сентября 2016 г. № Ф08-6691/2016 по делу № А63-2451/2014.

⁴ См.: Старженецкий В. В. Отсутствие единообразия судебной практики — нарушение прав человека? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. № 1 (2015): Европейская конвенция: новые «старые» права.

⁵ Здесь стоит оговориться, что авторы придерживаются точки зрения, согласно которой толкование нормативного акта уполномоченным на то органом необходимо признать неотъемлемым элементом содержания норм этого акта, которые не могут применяться в отрыве или вопреки данному толкованию. Такой же точки зрения придерживаются и многие другие авторы. См., например: Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 177.

друг к другу, и совместно создавать элементы будущего позитивного права. Такая природа судебной деятельности привела к появлению «эволюционирующего» прецедента — нормы, которая создается не в едином решении, но в нескольких, на протяжении продолжительного времени. В создании подобной нормы участвуют и национальный, и международный суды. При этом «застрельщиком» может выступать как раз один из национальных судов, практика которого «выбивается» из традиционных подходов как национальных, так и международных судов¹.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека российскими судами не должны игнорироваться и правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в отношении других государств — участников Конвенции, если имеющие значение для дела обстоятельства аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ. Не являются исключением и прецеденты толкования Судом конвенционных норм, закрепляющих право на справедливое судебное разбирательство.

Таким образом, суд Российской Федерации при принятии решения, помимо норм, прямо закрепленных в российском законодательстве, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, должен применять нормы Конвенции и правовые позиции ЕСПЧ. Обязательность указанных судебных правовых позиций служит соблюдению принципа единообразия в применении и толковании судами норм права, а в более широком масштабе соблюдению конституционного принципа равенства.

Имплементация норм Конвенции в российскую правовую систему предполагает внедрение европейских стандартов прав человека в национальное материальное и процессуальное законодательство, использование данных стандартов в качестве ориентира для корректировки правоприменительной деятельности, организацию механизма их учета, а также развитие доктрины в новом направлении.

Учитывая это, влияние норм Конвенции в контексте практики ЕСПЧ на отправление правосудия в России представляется бесспорным. Фактически воспринимая и применяя нормы Конвенции и правовые позиции, выработанные ЕСПЧ, суды Российской Федерации имплементируют в правовую систему стандарты справедливого судебного разбирательства.

¹ См.: Дьяченко Е. Б., Мысливский П. П., Нештаева Т. Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т. Н. Нештаевой. М., 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

§ 2. Реализация европейских стандартов справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве

Вопросы внедрения и фактического применения европейских стандартов справедливого судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве по-прежнему сохраняют свою актуальность, поскольку процедура имплементации решений ЕСПЧ в уголовный процесс еще не закончена, а Российская Федерация продолжает выполнять свои обязательства, вытекающие из Конвенции.

Концепция справедливого судебного разбирательства основывается на положениях международных и национальных правовых актов, среди которых Конвенция имеет особое значение, поскольку включает основные стандарты правового положения личности, содержащиеся в международных актах универсального характера, и предусматривает специальный контрольный механизм по защите этих прав — ЕСПЧ.

Согласно положению п. 1 ст. 6 Конвенции «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Конституция РФ содержит ряд положений, представляющих собой элементы концепции справедливого судебного разбирательства: гарантированность судебной защиты прав и свобод (ст. 18, ч. 1 ст. 46), основы самостоятельности и независимости судей (ст. 10, п. «е» ст. 83, п. «ж» ч. 1 ст. 102, ст. 120—122, 124, ч. 1 и 2 ст. 128), равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), открытость судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон (ч. 1 ст. 47, ст. 118, 126, 127) и др.

Названные конституционные положения получили развитие в отраслевом процессуальном законодательстве, в частности в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ: разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6), осуществление правосудия только судом (ст. 8), презумпция невиновности (ст. 14), состязательность сторон (ст. 15), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16), свобода оценки доказательств (ст. 17), право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19) и др.

Основные принципы уголовного судопроизводства изложены в гл. 2 УПК РФ, от соблюдения которых во многом зависит эффективная реализация концепции справедливого судебного разбирательства.